Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории, или Почему Китай не стал капиталистическим одновременно с Европой

Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Пер. с англ. А.М. Матвеенко; под науч. ред. А.Ю. Володина. М.: Издательский дом «Дело», 2017. — 592 с.

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: trocuk@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-162-185

Несмотря на то что научный дискурс (по крайней мере, декларативно) отрицает необходимость красивых метафорических конструкций для объяснения сложных социально-экономических процессов, иллюстративный потенциал разнообразных «говорящих» дефиниций постоянно помогает им проникать в научные тексты и диктовать логику исследовательских поисков. Один из ярких тому примеров — понятие «китайское экономическое чудо», отвоевавшее себе право репрезентировать результаты бурного социально-экономического развития китайского общества в последние десятилетия[1]. Однако «обычно при описании или объяснении аспектов функционирования китайской экономики зарубежные исследователи отталкиваются от уже существующих экономических теорий и не рассматривают Китай как страну с динамично, но самобытно развивающейся экономикой, а значит, их анализ и изучение сути проблемы нередко смешиваются с идеологическими и политиче-

1. См., напр., две книги, различающиеся стилем описания и обоснования логики экономических трансформаций китайского общества во второй половине XX века: *Чжан Юй* (2017). Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость / Пер. с кит. В.А. Ефановой. М.: ООО «Шанс»; *Коуз Р., Ван Н.* (2016). Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М.: Новое издательство.

скими предрассудками»[2]. Речь идет не только о современном Китае, но и о предшествующих столетиях его истории, на протяжении которых Китай был не слабой отсталой державой, а «одной из наиболее развитых и могущественных стран известного тогда мира, вплоть до XIX века занимая ведущее положение и в мировой экономике»[3].

Интерпретация прошлого Китая, которую предлагают критики западноцентристского взгляда на историю мировой экономики, состоит в том, что Китай оставался крупнейшей экономикой мира на протяжении двух тысячелетий (подушевой доход жителей Китая времен династии Хань и Римской империи был сопоставим, а после распада Римской империи экономика Европы долго не могла оправиться от последствий феодализма, тогда как экономика Китая продолжала расти) вплоть до середины XIX века[4]: до XV–XVI веков «представлял собой самую развитую, богатую и урбанизированную страну в мире»[5], а до XVII–XVIII веков обладал наиболее передовыми технологиями и динамично развивающимися рынками (земельными, товарными, факторов производства и рабочей силы). Ситуация кардинально изменилась в XVIII веке, когда Запад быстро обошел Китай по причине промышленных революций: «Когда в Китае использовали металлические плуги, вся Европа еще пахала деревянными, но когда Европа перешла на стальные плуги, Китай так и пахал железными»[6]. Признавая принципиально важную роль промышленного развития в том, что Европа быстро обошла своих «соперников», многие авторы задаются не столько вопросом, почему Европе это удалось (все признают наличие целого ряда благоприятных условий), сколько вопросом, почему то же самое не удалось Китаю, хотя он оказался на пороге промышленной революции даже раньше, но так и не смог его перешагнуть. Этот вопрос получил название «проблема Джозефа Нидэма», поскольку именно он показал, что до XV–XVI веков технологии преимущественно попадали на Запад с Востока, в XVI–XVII веках этот поток стал медленно менять свое направление, и с XVIII века Запад стал безраздельно господствовать в технологической области[7].

2. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л.А. Ивлева. М.: ООО «Шанс». С. 4.
3. Там же. С. 7.
4. См., напр.: *Maddison A.* (2001). The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD.
5. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л.А. Ивлева. М.: ООО «Шанс». С. 38.
6. Там же. С. 42.
7. *Needham J.* (1981). Science in Traditional China: A Comparative Perspective. Cambridge: Harvard University Press.

Линь Ифу называет теории, которые пытались решить «проблему Нидэма», но безуспешно[8]: это и культурный детерминизм, утверждавший, что отсталость Китая — долгосрочное последствие доминирования конфуцианского мировоззрения; и гипотеза о соперничестве множества небольших европейских стран и введении системы защиты патентных прав (причины развития техники в Европе); и теория ловушки равновесия высокого уровня, согласно которой в сложившейся в Китае социально-экономической ситуации (слишком многочисленное население в условиях ограниченного количества земли) просто отсутствовал спрос на новые технологии. Как и многие другие авторы, Линь Ифу признает, что отставание Китая от западных стран — результат промышленной революции в том смысле, что «ее отсутствие повлекло за собой отсутствие технологических инноваций и накопления капитала, и хотя ростки капитализма появились в Китае очень рано, им не суждено было взойти»[9].

В целом соглашаясь с данным мнением, К. Померанц все же считает, что объяснение столь неожиданного и скоротечного (с позиций исторического времени) «великого расхождения» в траекториях социально-экономического развития Китая и Европы вряд ли может уложиться в простую констатацию «всему виной промышленная революция». Как справедливо утверждает аннотация его поистине монументальной работы, книга «позволяет по-новому взглянуть на один из классических вопросов истории: почему стабильности промышленного развития удалось добиться именно в Северо-Западной Европе, несмотря на удивительную схожесть ситуаций, наблюдавшихся в наиболее развитых регионах Европы и Восточной Азии?» (с. 4).

Книга прекрасно структурирована, что позволяет автору легко и убедительно переходить от масштабных обобщений и гипотез к все их более детальным и конкретным статистическим, политическим, экономическим, культурологическим и прочим подтверждениям. Текст настолько насыщен фактическим материалом и библиографическими обзорами, что останавливаться отдельно на каждой его части не имеет смысла, поэтому в рецензии кратко (насколько это в принципе возможно, учитывая объем книги) изложены основные аргументы автора в пользу собственной трактовки времени расхождения путей развития Европы и остальных частей Старого Света в XIX веке, а также причин, данное расхождение обусловивших.

Предисловие к русскому изданию выполняет несколько важных функций (хотя автор, возможно, и не ставил перед собой такие задачи). Во-первых, оно предупреждает читателя о важных ограничениях работы, тем самым пресекая возможные критические замечания в ее адрес. Например, хотя книга «зачастую рассматривается в качестве

8. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л.А. Ивлева. М.: ООО «Шанс». С. 44-56.
9. Там же. С. 77.

труда, посвященного вопросам мировой истории, России, а также таким крупным регионам мира, как Ближний Восток, Центральная Азия, бо́льшая часть Африки и Океании, в ней уделено незначительное внимание... отчасти это можно объяснить тем, что труды по мировой истории не обязательно должны охватывать весь мир — в них достаточно рассматривать проблемы, которые требуют от нас выйти за пределы отдельных государств или традиционно выделяемых регионов» (с. 9). Также автор подчеркивает, что его внимание будет сосредоточено на двух географических районах — Восточной Азии и странах Атлантического региона, потому что он в них «хорошо разбирается», а данных по отдельным регионам, историческим периодам и показателям у него недостаточно, поэтому любые сопоставления, обобщения и выводы носят не окончательный характер.

Во-вторых, в предисловии автор уточняет методологию своего исследовательского поиска, которая состоит из сравнения отдаленных друг от друга регионов и установления взаимосвязей между ними. Такое сочетание позволяет взвешенно реконструировать картину прошлого, в частности объединяя несовместимые на первый взгляд вещи (например, разные уровни заработной платы могут гарантировать сопоставимые показатели уровня жизни). Кроме того, автор опирается на две версии истории — сравнительную и экологическую: все сопоставления уровня заработной платы и стоимости аренды земли, численности населенности и торговых балансов сопровождаются оценками объективных (природных) возможностей регионов прокормить растущее и все лучше живущее население, т. е. характеристикой типа мира, в котором происходит экономический рост (мальтузианский или современный).

Эти две особенности книги объясняют ее фокусировку на «силах, связанных с экономическим подъемом густонаселенных районов, развитии относительно открытых рынков... а также давлении, которое испытывают ограниченные природные ресурсы со стороны возрастающего в масштабах их потребления — это не те силы, которые занимают главенствующее место в истории России и прочих обойденных вниманием регионов в XVIII и XIX веках... Представленная картина крайне значима, но... не всеобъемлюща» (с. 9). Понимая неизбежные ограничения своей концепции, автор постоянно упоминает линии научной полемики по рассматриваемым вопросам и квалифицирует свой труд лишь как часть этой полемики. В ней он выделяет четыре независимых, но перекликающихся направления: «два охватывают страны Запада, а в других главную роль играют ученые из Китая и Японии» (с. 10).

Первое и ключевое направление полемики касается времени и места расхождения путей развития Китая (дельты Янцзы) и Европы (Британии). Его представители утверждают, что в дельте Янцзы в начале XIX века существовало развитое сельское хозяйство, высокий уровень производительности труда и земли, доход земельных арендаторов был аналогичен или выше показателей Ан-

глии и других стран Европы, что «делает несостоятельной идею сельскохозяйственного фундаментализма, согласно которой готовность к проведению индустриализации напрямую вытекает из эффективности сельского хозяйства, высвобождавшей труд и капитал для их использования в иных целях и позволявшей удерживать цену на продукты питания и, как следствие, издержки на заработную плату на низком уровне» (с. 11). Второе направление полемики — иная версия сельскохозяйственного фундаментализма в китайской историографии, которая противоречит приводимым в книге данным о труде и производительности и не согласуется с впечатляющими примерами экономического роста в Японии, Тайване и восточных регионах Китая в XX веке, где существуют мелкие крестьянские хозяйства семейного типа и стабильная система прав владения или пожизненного пользования землей.

Примерное равновесие уровня жизни и показателей доходов на душу населения в Европе и Китае, а также в Англии и дельте Янцзы (самых богатых районах этих стран) по состоянию на 1750 и даже 1700 годы заставило автора пересмотреть доминировавшие ранее взгляды, согласно которым отставание Китая от Европы началось несколькими столетиями ранее[10]. Он полагает, что «значительная разница существовала уже по состоянию на 1800 год и в дальнейшем только возрастала. Основной причиной этого стало то, что в Европе (Англии) производительность промышленных рабочих оказалась в целом более высокой по сравнению с производительностью сельскохозяйственных работников, в том время как для Китая или Японии ситуация была не столь однозначной... Это вновь указывает на необходимость поиска объяснений расхождения за пределами сельскохозяйственного сектора» (с. 13).

Автор полагает, что ключевым фактором расхождения стало «решение проблем экологического характера... благодаря использованию угля и торговле с другими континентами» (с. 14), но не отрицает роли других факторов, например, вклада европейской науки[11], природы изобретений и скорости их распространения[12], истощения всех видов производительных земель в Западной Европе под давлением роста численности населения[13], однако только «при условии, что такой вклад не является единственным объяснением» (с. 14). Автор признает институциональное объяснение великого расхо-

10. См., напр.: *Лал Д.* (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН.
11. См., напр.: *Мокир Дж.* (2017). Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара.
12. См., напр.: *Аллен Р.* (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 197-344.
13. См., напр.: *Бродель Ф.* (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс.

ждения, но «разнообразие институциональных отличий... представляется бесконечным (политические системы, права собственности, бюджетные и финансовые институты и т. д.)... при этом участники дискуссий зачастую не слышат друг друга не только по причине того, что работают над большим числом разнообразных подтем, но и потому, что не всегда понятно, каким именно образом следует перейти от описания отличий к оценке их значимости» (с. 20). Он предлагает остановиться на общепризнанных фактах: защита прав собственности и исполнение договорных обязательств в обоих регионах Старого Света обеспечивала развитие эффективных рынков товаров; рынки факторов производства обеспечивали доступ к земле; ситуация с рынками капитала более запутанна, но говорит о серьезных отличиях в сфере общественных финансов — европейские правительства расходовали много средств на военные нужды вплоть до XIX века, когда Европа «получила значительную, пусть и отсроченную отдачу от заморской колонизации» (с. 21).

Китайские ученые и китаеведы сосредоточены на истории Китая, поскольку развитие стран Запада не вызывает у них особых вопросов — это третье направление научной полемики о векторах развития мировой экономики. Здесь доминируют два вопроса: содержала ли китайская экономика периода поздней империи «ростки капитализма», и если да, то что помешало им расцвести; и какие внутренние факторы, помимо внешних (завоевание маньчжурами в XVII веке и столкновение с западным империализмом в XIX веке), не позволили Китаю перейти к капитализму. Оба вопроса возвращают нас к аграрному фундаментализму, но только в разных версиях — Маркса и Мальтуса. Сторонники соответствия истории Китая универсальным этапам марксистской истории полагают, что ростки капитализма в Китае (в частности, все большее распространение наемного труда и рынков земли и капитала) были подавлены установлением маньчжурской династии Цин в 1644 году (или опиумными войнами 1839–1842 годов). Представители второй версии переключились с трудовых отношений на производство и обнаружили в истории Китая эпоху (с середины XVI до середины XIX века) неуклонного экономического роста из расчета на душу населения под влиянием организационных и технических изменений рыночного типа. Данный рост привел к сокращению площадей крестьянских наделов, с чем китайские земледельцы боролись посредством стратегий, описанных Чаяновым[14]: невероятно интенсифицируя труд и прибегая к услугам рынков товаров, но не рынков факторов производства.

И, наконец, четвертое направление полемики представляют в основном японские ученые, уточняющие категориальный аппарат реконструкции региональной и мировой истории, чтобы сопоставить институты Запада и Востока, оценить влияние их различий и понять

14. См., напр.: *Чаянов А.В.* (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика.

причины сближения уровня жизни в странах Востока и Запада в последние десятилетия. «Более ранние труды указывали, что странам Восточной Азии удалось догнать Запад благодаря внедрению схожих институтов, другие специалисты подчеркивают ту положительную роль, которую сыграли свойственные региону особенности» (с. 27).

Разногласия исследователей относительно характера и географии восточноазиатского пути не затрагивают следующие общепризнанные идеи (с. 28-30): на сопоставимых этапах развития и при сопоставимом уровне жизни страны Восточной Азии потребляли меньше энергии и прочих ресурсов, чем западные общества; в ходе индустриализации страны Восточной Азии сконцентрировались на менее капиталоемких и ресурсоемких изделиях и производственных методах, для них характерно большее число промышленных производств в сельской местности и меньшие масштабы пролетаризации, т. е. они «пришли к современному обществу собственным путем (опора на домохозяйства, которые сочетали высокодоходное сельскохозяйственное производство коммерческого характера с участием в сельской промышленности и/или торговле при частом переходе от одного занятия к другому и при сохранении патриархальной власти в семье и обществе), а не догнали страны Запада, двигаясь вслед за ними» (с. 29); важную роль в восточноазиатском пути сыграли факторы развития капитализма не только по Марксу, но и по Броделю[15] — циркуляция товаров и торговые сети (обложенные данью государства и племена вокруг Китая, диаспора китайских торговцев и т. д.) были не менее важны, чем производство (сложилась особая разновидность торгового капитализма).

После столь развернутого Предисловия во Введении автор акцентирует внимание на проблемах сопоставительного анализа, особенно если он опирается на тезис об уникальности экономического развития Западной Европы. Не отрицая подобную исследовательскую оптику как таковую, автор призывает читателей не забывать о ее ограничениях. Во-первых, большинство исследователей понимают под Западной Европой некую социально-экономическую и политическую концепцию, тогда как, учитывая разрывы в уровне экономического развития европейских стран, речь должна идти о географическом образовании. Во-вторых, неприемлемо объяснение успешности экономического развития Европы каким-то «единственным двигателем» — «неким уникальным доморощенным ингредиентом промышленного успеха или что ей уникальным образом удалось избежать возможных препятствий... или различными формами колониальной эксплуатации» (с. 35), т. е. необходимо принимать во внимание и эксплуатацию неевропейского населения, и привилегированный доступ к ресурсам заморских территорий, и эффективные финансовые институты, и развитие трудосберегаю-

15. См., напр.: *Бродель Ф.* (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма.

щих технологий, и внутренние экономические процессы, схожие с другими регионами мира до 1800 года. Книга опирается на «сравнительный анализ, учет местных особенностей, а также комплексный или глобальный подход» (с. 37). Необходимость последнего объясняется невозможностью исследовать общемировые условия до 1800 года сквозь призму европоцентристской модели, потому что мир тогда был полицентричен и лишен доминирующего центра — Европа превратилась в него только после экономического расцвета, обусловленного индустриализацией XIX века. «Упор сделан на сравнении между отдельными частями Европы и частями Китая и Индии, которые находились в схожем положении относительно собственных континентальных миров... В ряде случаев в качестве единицы сравнения понадобится весь мир... — вместо сравнения двух отдельных объектов (как это делается в рамках классической социальной теории) мы сравниваем две части единого целого и пытаемся определить, как именно положение и функционирование каждой из частей системы влияют на ее природу» (с. 46).

В-третьих, автор соглашается со справедливостью критики классической социальной теории XIX века за европоцентризм, но не приемлет ее постмодернистской альтернативы — «полного отказа от межкультурных сравнений и сосредоточения внимания почти исключительно на выявлении исторических фактов, которые отличает чрезвычайность... Более предпочтительным представляется атака на субъективные сравнения посредством более качественных. В какой-то мере это может быть сделано путем рассмотрения обоих объектов сравнения в качестве отклонений, если попытаться взглянуть на один объект сквозь призму ожиданий другого, вместо того чтобы, как обычно и делается, брать один из объектов в качестве нормы» (с. 43). Стратегия двойного сравнения позволяет по-новому взглянуть на разные части мира (например, указывает на ряд общих черт в сельскохозяйственном, коммерческом и протопромышленном развитии различных частей Евразии в 1750 году) и увидеть взаимосвязи там, где их, казалось бы, нет (так, Западная Европа стала уникально богатой и вырвалась из рамок мальтузианской системы еще до промышленного прорыва).

Автор отрицает европоцентристскую версию истории во всех ее вариациях — объяснениях экономического рывка Европы некими ее уникальными чертами, позволившими осуществить промышленную революцию. В одних случаях в качестве таких черт называются обычаи, ограничивавшие рост населения, что позволило Европе избежать «режима высокой рождаемости» и увеличить объемы капитала не только в абсолютном выражении, но и в расчете на душу населения. В доиндустриальной истории неевропейских регионов тоже были экономические бумы и рост уровня жизни, и ряд авторов признает это в концепции «упадка Азии», который объясняется либо экологическими катастрофами XIX–XX столетий вследствие переизбытка населения (хотя во многих частях Азии было доста-

точно пространства для размещения дополнительного населения без совершенствования технологий или снижения уровня жизни), либо заморской колониальной экспансией — как естественным способом расширения границ Европы (нужно помнить об исключительных богатствах Нового Света, чрезмерной жестокости колонизации и роли мировых процессов в успехе европейской экспансии). Автор отвергает «излишне упрощенный контраст между исчерпавшими свои экологические ресурсы Китаем, Японией и/или Индией, с одной стороны, и Европой, которой было куда расширяться, — с другой... и предлагает систематическое сравнение экологических проблем, свойственных ряду ключевых регионов Китая и Европы... Если принять идею о том, что рост населения и его влияние на экологию привели к упадку Китая, следует признать, что и внутренние процессы Европы подвели ее к самому краю той же пропасти. Но она была спасена благодаря заморским ресурсам и прорыву английских технологий в использовании подземных источников энергии... Европа тоже могла пойти восточноазиатским путем трудоемкого развития. То, что этого не случилось, стало результатом значимых и резких скачков, в основе которых лежали ископаемое топливо и доступ к ресурсам Нового Света, избавившие Европу от необходимости более интенсивной обработки земли. ...Часть регионов Европы шла путем более трудоемкого развития, однако ход событий XVIII и XIX столетий повернул данную тенденцию вспять» (с. 49-51).

Другой подход к обоснованию уникальности Европы подчеркивает появление здесь в раннее Новое время институтов, более благоприятных для развития экономики, чем институты в других регионах мира, — это прежде всего эффективные рынки и системы защиты прав собственности, «вознаграждавшие тех, кто был способен найти наиболее продуктивные пути использования земли, труда и капитала», тогда как в других регионах мира, особенно в Китае и Индии, «экономическому развитию препятствовало государство, либо слишком сильное и враждебно настроенное по отношению к частной собственности, либо слишком слабое для защиты совершенствующих производство предпринимателей в случаях, когда они шли против местных обычаев, духовенства или знати» (с. 53). В основе институциональной версии европоцентристской истории лежат разные основания (классовая борьба, мальтузианские факторы, особые привилегии, облегчившие накопление капитала, рост товарообмена между феодальной Восточной Европой и капиталистическим Западом, международное разделение труда и пр.), и автор их не отрицает, но «в итоге выдвигает предположения иного рода: ...промышленный капитализм, в рамках которого крупномасштабное использование неодушевленных источников энергии позволило избавиться от ограничений, свойственных доиндустриальному миру, зарождается лишь в XIX веке; ...вне границ Британии проявления европейской индустриализации оставались ограниченными по крайней мере до 1860 года... Утверждать суще-

ствование “европейского чуда”... довольно рискованно уже по причине того, что черты, общие для Западной Европы, были в равной степени представлены в других регионах Евразии» (с. 55-56).

Автор стремится интегрировать в своей теории и разные модели, и все имеющиеся данные, поэтому признает частичную правоту всех концепций и тщательно аргументирует как правильность принимаемых, так и ошибочность отвергаемых положений. Так, он признает, что экономический рост в Старом Свете был достигнут главным образом за счет «революции трудолюбия» — «увеличения трудового вклада при незначительном повышении производительности, происходящего на фоне перемен в общественных институтах и противопоставляемого огромному росту производительности в дальнейшем, который был достигнут благодаря технологическим нововведениям, накоплению капитала и доступу к ресурсам вновь открытых земель» (с. 17). Однако революция трудолюбия не обеспечила великого расхождения, потому что экономический рост оставался в рамках системы мальтузианского типа, т. е. сдерживался необходимостью поиска баланса в землепользовании. Восточная Азия и Европа вместе подошли к исчерпанию данного лимита, и хотя Восточная Азия была успешнее в разработке методов борьбы с ограниченностью ресурсов, с начала XIX века Европа сумела сойти с мальтузианского пути благодаря ряду эпохальных событий: угольная революция решила проблему нехватки природных ресурсов (Китай обладал запасами угля, но не экономически оправданными способами его транспортировки), открытие Нового Света и расширение трансатлантической торговли обеспечило Европу поставками землеемкой продукции из колоний.

Основное содержание книги разбито на три части. В первой части «Мир удивительных подобий» автор подвергает сомнению разные обоснования того, что еще до 1800 года Европа якобы обрела экономическое преимущество за счет собственных ресурсов, показывая, что в разных частях Старого Света существовали схожие густонаселенные и коммерчески развитые территории. В первой главе «Европа впереди Азии? Население, накопление капитала и технологии как объяснения европейского пути развития» автор обосновывает (сопоставляя продолжительность и уровень жизни населения разных регионов мира) отсутствие у Европы в этот период критического преимущества в накопленном физическом капитале, которое бы позволило ей избавиться от мальтузианских проблем, и признает, что Европа обладала технологической изобретательностью, необходимой для промышленной революции, как многие другие регионы, но смогла успешнее ее реализовать благодаря удачным географическим открытиям и доступу к ресурсам заморских территорий. Во второй главе, где сопоставлены «Рыночные экономики в Европе и Азии», автор показывает, что западноевропейские рынки труда, земли и товаров до 1800 года были далеки от рынков идеальной конкуренции даже в большей степени, чем аналогичные

рынки большей части Китая, т. е. в меньшей степени подходили для экономического роста, прогнозируемого Адамом Смитом.

Во второй части «От новой морали к новой экономике?» сначала (в третьей главе) рассмотрено «Потребление предметов роскоши и зарождение капитализма»: становление новых видов потребительского спроса и сопровождавшие их культурные и институциональные изменения сделали Китай, Японию и Западную Европу непохожими на другие регионы мира в гораздо большей степени, чем друг на друга, но в Европе на потребление серьезное влияние оказали внешние факторы (добыча серебра в Новом Свете и спрос на него в Азии, использование рабского труда на плантациях и др.). В четвертой главе «Видимые руки: структура предприятий, социально-политическая структура и "капитализм" в Европе и Азии» автор отвергает институциональные объяснения формирования более совершенных европейских рынков (социально-экономическая система, законодательство в отношении коммерческой собственности) и концентрируется на принудительных действиях неэкономического характера (заморская колонизация и военизированная торговля). «Даже если у Европы и было преимущество в возможностях объединения капитала, его было недостаточно для преодоления сдерживающих факторов экологического характера, имевших место во всех наиболее развитых протопромышленных регионах... Хотя сами по себе ни новые формы собственности... ни меры внутренней политики соперничающих друг с другом и жадных до дохода европейских государств не обеспечили в период до 1800 года Европе существенно более благоприятных для производственной деятельности условий, проекция межгосударственного соперничества на зарубежные территории (военизированная заокеанская торговля и ориентированные на экспорт колонии) оказалась фактором значимым... для уникальных для той эпохи вложений капитала при готовности ждать прибыль относительно долгое время» (с. 61-62).

В заключительной третьей части «Выход за пределы моделей Смита и Мальтуса: от экологических проблем к стабильному промышленному росту» автор предлагает свою версию взаимодействия внутренних и внешних факторов в экономической истории. В пятой главе «Общие трудности: экологические проблемы в Западной Европе и Восточной Азии» обозначены серьезные экологические препятствия для экономического роста всех густонаселенных, живущих по рыночным принципам и коммерчески развитых регионов Евразии, а также предпринятые всеми ими попытки (безуспешные по причине высокой себестоимости транспортировки, политэкономических особенностей периферий и др.) решить проблему нехватки ресурсов через торговлю с менее густонаселенными районами. В шестой главе «Решение проблемы нехватки земель: Южная и Северная Америка как новый тип периферии» показано, что сглаживание остроты свойственной Европе нехватки земли и экологических проблем было обусловлено переходом от древесины к углю и установлением свя-

зей с Новым Светом, где природные богатства, работорговля и прочие аспекты колониальной системы породили новый вид периферии, позволивший Европе обменивать постоянно растущие объемы промышленного экспорта на продукты землеемкого производства. «Динамика колониального периода создала систему притока в Европу ресурсов как из регионов, использовавших рабский труд, так и из регионов со свободным населением (например, из Китая); приток этот в течение XIX века только ускорялся, несмотря на завоевание колониями независимости от метрополий и освобождение рабов» (с. 64).

Итак, не сосредоточиваясь на структурных разделах книги, попробуем реконструировать общие контуры предлагаемой в книге модели великого расхождения Китая и Европы и становления современной мировой экономики. Сам автор уделяет Индии и Японии существенно меньше внимания, чем Китаю, поскольку он чаще «служил “противоположным” примером в описаниях современного Запада от Смита и Мальтуса до Маркса и Вебера... Две главные задачи книги заключаются в том, чтобы разобраться, насколько сильно развитие Китая будет отличаться от европейского, когда мы очистим его от вмененной ему роли “противоположности”, а также понять, насколько иной будет история Европы, если мы обратим внимание на общие черты ее экономики и экономики страны, которой она противопоставлялась чаще всего» (с. 71).

Автор обосновывает «обыкновенность» европейской экономики XVIII века и сопоставимость европейских и китайских социально-экономических показателей, рассматривая обеспеченность сельскохозяйственными животными и набор сельскохозяйственных культур, размеры транспортного капитала и городов, продолжительность жизни и уровень смертности и т. д. Оказывается, «жизнь европейцев не отличалась ни большей продолжительностью, ни более высоким качеством» (с. 96): к 1850 году страны северо-запада Европы обладали выраженным технологическим превосходством над остальной частью Старого Света, но в XVIII веке европейцы не отличались более высокой производительностью, чем китайцы, и европейский путь к технологическому прогрессу оказался не единственным — «прочие регионы мира шли в развитии различных технологий впереди Европы (например, в ирригации, ткачестве и окраске тканей, производстве изделий из фарфора, в вопросах защиты здоровья матери и ребенка) или вровень с ней (в использовании энергии из расчета на душу населения), следуя собственным путем как в разработке нововведений, так и в их распространении» (с. 99).

Таким образом, «вместо того чтобы искать причины общего застоя китайских наук и технологий, чего в действительности не было, нам стоит обратиться к вопросу о том, почему пути их развития не смогли революционизировать китайскую экономику... а также определиться, какие именно пути развития оказались ключевыми для европейского экономического роста и какие именно факторы этому способствовали» (с. 104-105). Наиболее значимые технологи-

ческие решения, которые обеспечили стабильность экономического роста в Европе, были так или иначе связаны не с сокращением трудозатрат (общепринятая точка зрения), а с землесбережением: технологии добычи ископаемого топлива снизили зависимость от древесины, продовольственные сельскохозяйственные культуры Нового Света (прежде всего картофель) обеспечили беспрецедентное для Европы количество калорий на единицу посевной площади, Новый Свет поставлял не только землеемкие товары (хлопок, сахар, пшеницу, лес, мясо и шерсть), но и восстанавливающие почву ресурсы (гуано), заморские колонии помогли Европе избавиться от технологического отставания в агролесоводстве благодаря импорту знаний в экологии и ботанике. Однако «если бы с проблемой огромных расстояний между угольными шахтами и промышленными центрами пришлось столкнуться Европе, а не Китаю, то вполне вероятно, что результаты развития двух стран могли оказаться совершенно иными» (с. 136).

«Резкий рост технологических открытий в Европе, разумеется, явил собой непременное условие промышленной революции, но... необходимо помнить о значимости случайного совпадения географических и... прочих обстоятельств в том, что британские уголь и паровые двигатели стали движущей силой индустриализации... Сами по себе европейские науки, технологии и философские предпочтения не представляются достаточным объяснением, а предполагаемые отличия в экономических институтах и в ценах на факторы производства недостаточно значимы... И даже энергетический прорыв мог вполне оказаться недостаточным по причине европейского демографического бума, пришедшегося на конец XVIII и XIX век... Без ослабления остроты проблем, случившегося благодаря углю и колониям, одни лишь европейские изобретения не смогли бы создать такой новый мир, где нехватка земельных территорий не являлась препятствием для неограниченного и стабильного роста экономических показателей из расчета на душу населения» (с. 136-137).

Автор считает неубедительной идею, что Западная Европа развивалась быстрее всех по причине обладания самыми эффективными рынками товаров и факторов производства, но не отрицает важность сопоставительного анализа институтов, особенно в крупнейших отраслях экономики (в Европе и Китае в рассматриваемый период главным было сельское хозяйство). Несмотря на исторические и географические различия Китая и Западной Европы, в XVI–XVIII веках все большее число их регионов двигалось «к тому, что Марк Блок назвал аграрным индивидуализмом, в целом Китай был ближе к рыночной системе сельского хозяйства, чем бо́льшая часть Европы» (с. 140). Так, в значительной части Западной Европы приобрести или продать сельхозугодья было сложнее, чем в Китае, где ситуация с правами собственности на землю не была столь запутанной; большинство материальных благ в Европе раннего Нового времени использовались для таких непродуктивных целей, как

приобретение титулов и военные кампании, а не для расширения производства; в результате значительная часть Европы страдала от беспрецедентного уровня как частичной, так и полной безработицы сельских жителей.

Что касается рынков труда, то к концу XVIII века подневольных работников, привязанных к земле, в Китае было немного даже на той незначительной доле (менее 10%) земель, которые обрабатывались лицами, не являвшимися ни их владельцами, ни арендаторами. «Последние юридические ограничения в отношении северокитайских арендаторов и сельскохозяйственных рабочих исчезли к 1780-м годам — примерно в то же время, что и в Западной Европе, однако еще до того... они действовали в отношении очень малого числа лиц» (с. 158). Тем не менее во многих регионах Европы крепостничество, подневольный труд и система вилланства оставались распространенными явлениями, а миграциям на дальние расстояния препятствовало больше юридических препон, языковых отличий и прочих проблем, чем в Китае, поэтому миграция в относительно малонаселенные и потенциально плодородные регионы была крайне небольшой по сравнению с равнозначными по площади территориями Китая. «Усилия со стороны европейских стран не могли сравниться с неоднократными усилиями китайского правительства (покрытие расходов на переезд, кредиты на обустройство, выдача семян, выделение тягловых животных), направленными на то, чтобы облегчить переселение в районы, испытывавшие нехватку рабочей силы, и при этом сделать это таким образом, чтобы земледельцы сохраняли свою независимость (становились владельцами наделов или свободными арендаторами)» (с. 162). «Ни Китай, ни Западная Европа не могли похвастаться хорошо отлаженным неоклассическим рынком труда... но Китай, вероятно, был ближе к данной модели» (с. 165). Например, у китайских крестьян было больше возможностей заниматься коммерческим производством ремесленных изделий, а для рынка труда Европы были характерны нестабильность и закостенелость, о чем свидетельствуют данные о заработной плате (так, в Англии номинальное вознаграждение для разных видов несельскохозяйственного труда не менялось десятилетиями и столетиями, несмотря на частые колебания предложения и спроса).

В XVI–XVIII веках рост объемов труда при небольшом повышении уровня жизни, а также некоторое увеличение и перераспределение труда были почти в равной степени свойственны Западной Европе и Китаю. «Китай напоминал Европу и в том, что его население начало приобретать все больше непродовольственных товаров (мебели, ювелирных украшений), несмотря на то что стоимость приобретения определенных объемов калорий возросла... Жители Китая также стали значительно чаще приобретать услуги (специалистов по ритуалам, профессиональных актеров), возможно, даже чаще европейцев, которые... отдавали предпочтение товарам длительного пользования, нашедшим отражение в описях имущества

покойных» (с. 180). «Таким образом, ни уровень жизни, ни объемы труда в целом не являются основанием для противопоставления “инволюционного” Китая “трудолюбивой” Европе» (с. 182).

«Использование труда в Китае, как и использование земли, соответствовало принципам рыночной экономики по крайней мере в той же степени, что и в Европе, а скорее всего и больше. Судя по всему, “революция трудолюбия” была свойственна в той или иной степени обоим оконечностям Евразии... Отличие в институтах, управляющих переживающим период изобретений рынком (патентное законодательство), слишком незначительно, чтобы обосновать случившееся позднее экономическое лидерство Европы для любого периода до самое раннее 1830 года... Существует недостаточно оснований утверждать, что капиталы Западной Европы отличались существенно большими объемами или включали в себя значительно более развитые технологии. Ее рынки факторов производства вряд ли были ближе к проповедуемым Смитом идеям свободы и эффективности, чем соответствующие рынки Китая, а возможно даже, и в значительно меньшей степени. Более того, немало очерненные модели применения семейного труда, свойственные Китаю, при более близком рассмотрении оказываются столь же чуткими к изменяющимся обстоятельствам и ценовым сигналам, как и модели, характерные для северо-запада Европы. Не отличавшимся уникальностью наиболее развитым районам Западной Европы были свойственные общие черты экономики (превращение продукции, земли и труда в товар, обеспечиваемый рынком экономический рост и регулирование домохозяйствами уровня рождаемости и распределения труда) с прочими густонаселенными экономическими центрами Евразии... Нет оснований полагать, что данные принципы развития самым естественным образом вели где бы то ни было к промышленному прорыву» (с. 198-199).

Зарождение капитализма автор связывает с потреблением популярных предметов роскоши (картин, серебряных украшений) и вызывающих привыкание продуктов (сахара, кофе, чая, какао, табака) — это повлияло на участие населения в рыночной деятельности, на распределение труда и уровень жизни простых граждан. Хронологически первым было потребление элитных предметов роскоши длительного пользования (изделий из шелка, зеркал, элегантной мебели), которое стало новым способом подчеркнуть свой статус (овеществление роскоши[16]) и повлекло изменения в структуре предприятий, усиление контроля над производством со стороны кредиторов и накопление дохода небольшим числом людей, испытывающих сильнейшие стимулы к повторному инвестированию своих средств. Все это относится не только к Европе, но и к Китаю, где дома высших классов в эпоху династии Мин также напол-

16. *Зомбарт В.* (2008). Собрание сочинений в 3 тт. Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. СПб.: Владимир Даль. С. 134.

нялись картинами, скульптурами, изысканной мебелью и т. д., и необходимо было иметь строго определенные предметы роскоши для конкретной обстановки, человека или задачи — в этом помогали печатные руководства с советами по правильной оценке и демонстрации подобных предметов, и в Китае такие сочинения появились раньше, чем в Европе.

В XVII–XVIII веках в качестве жилищных условий и обеспеченности домашнего обихода Китай незначительно отставал от Европы, а города Китая впечатляли европейских путешественников общественными знаниями и монументами. Потребительский спрос в Китае и Западной Европе отличался по классам общества и территориальному признаку: население менее развитых в коммерческом плане регионов не только приобретало меньше товаров, но и производило больше продуктов и изделий для собственного потребления, поэтому региональные различия в рыночном спросе были ярче, чем отличия в уровне жизни. Впрочем, несмотря на схожесть накопления товаров, в отличие от Европы, для Китая не было характерно непрерывное ускорение потребления. Но более быстрый рост европейского спроса на предметы роскоши вряд ли отражает более высокий уровень жизни — речь идет о разнице во вкусах и наличных материалах. Во-первых, ряд документов подтверждает, что товары зарубежного производства были неинтересны жителям Восточной Азии. Во-вторых, китайские объемы импорта промышленных товаров из расчета на душу населения были крайне малы и почти не влияли на представления о подобающих одеждах и домашнем интерьере, а кроме этих товаров, европейцы мало что могли предложить: в период, предшествующий буму спроса на опий, примерно 90% импорта из Европы и ее колоний приходилось на серебро.

Автор приводит ставшее классическим утверждение Зомбарта, что рост спроса на предметы роскоши способствовал зарождению европейского капитализма благодаря появлению ремесленников и торговцев, которые организовали независимые цеха для производства и продажи этих предметов и постепенно расширяли их за счет найма тех, кто не обладал средствами, чтобы стать независимыми производителями. Не отрицая такую модель развития капитализма, автор уточняет, что подобные случаи имели место лишь в крупнейших городских центрах Европы и Китая, а за их пределами до конца XVIII века доминировала прежняя практика работы с предварительными заказами. Кроме того, логика производства товаров, не относящихся к предметам роскоши, служила не менее веским основанием для перехода на капиталистические рельсы (например, лесозаготовительные предприятия Китая в начале XIX века предпочитали использовать труд тысяч наемных рабочих, а не закупать лес у мелких независимых производителей).

Иными словами, «мы наблюдаем схожесть условий, подходящих для зарождения новых типов предприятий, которые обычно рассматриваются как капиталистические... но появились они — и ка-

питализм в более общем смысле — лишь в Европе» (с. 288). Ряд историков, опираясь на идеи Броделя, объясняет европейскую уникальность появлением на вершине экономики крупных предприятий вследствие масштабного развития прав собственности, формирования рынков свободной конкуренции и механизмов получения прибыли за счет обхода процедур конкуренции и привилегий (монополия и откуп). «Мы действительно обнаруживаем не мнимые, а явные организационные преимущества Европы, однако в период до 1800 года они применимы лишь к ограниченному числу начинаний, исключая войны, заморскую торговлю и колонизацию... Политическая экономия торговли и колонизация вне границ Европы... имели ключевое значение не столько по причине того, что вели к накоплению финансов, сколько потому, что позволили значительно увеличить поставки физических ресурсов» (с. 290).

Согласно Броделю, капитализм развивался медленно и смог по-настоящему утвердиться лишь там, где было создан социальный порядок, относящийся к собственности как к чему-то священному и неприкосновенному, что позволило семьям владельцев капиталов выстраивать свой бизнес на протяжении поколений[17]. Такие условия существовали в Европе, но не в Китае, где государство было слишком сильным, а потому только представители верховной власти могли чувствовать себя в безопасности. Другие авторы упоминают конкретные институты, облегчавшие инвестирование средств (банки и акционерные общества) и накопление капиталов в Западной Европе. Автор ставит эти версии под сомнение, поскольку даже когда в конце XIX века в Европе появились крупные управленческие предприятия, рациональные системы бухгалтерского учета использовали лишь некоторые из них, тогда как в Китае существовала сложная бухгалтерская отчетность и предприятия держались на плаву на протяжении столетий, несмотря на взлеты и падения династий, но документальные свидетельства о коммерческих династиях скудны, потому что свой успех было не принято выставлять напоказ.

В Китае «государство, способное жить за счет текущих доходов с земли, вмешивалось в дела своих торговцев в меньшей степени по сравнению со странами Европы, хотя при этом и создавало для них меньше благоприятных возможностей и рыночных ниш (с. 301). В отличие от европейских торговцев, которым монархи часто отказывались платить по долгам, китайские торговцы сталкивались с экспроприацией де-факто нечасто — государство привлекало небольшие объемы заемных средств (в отличие от голодных до кредитов государств Европы). Китай использовал капитал и для целей индустриализации: хотя здесь были более высокие, чем в Европе, процентные ставки, производительность и уровень жизни были сопоставимы с европейскими, поэтому маловероятно, чтобы Китай

17. *Бродель Ф.* (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма. С. 74-76.

испытывал серьезную нехватку капитала и не располагал необходимыми для его мобилизации институтами.

Кроме того, например в Британии, большинство ранних индустриальных проектов финансировалось предпринимателями или их родственниками без помощи финансовых институтов. «На 2% самых состоятельных граждан Китая приходилась та же доля общенационального дохода, что и в Англии и Уэльсе, и сложно представить себе, что то же самое не происходило и в Китае» (с. 312). Столь же трудно представить, что отличия между Китаем и Европой в уровне процентных ставок, капитальных издержках и формах ведения бизнеса оказались решающим фактором в становлении механизированной промышленности, потому что большинство технологий начала промышленной революции не были дорогостоящими. Так, финансирование ранних текстильных фабрик было под силу даже семейным фирмам, до конца XIX века капитал британской угледобывающей промышленности почти целиком формировался семьями владельцев предприятий или за счет средств, привлекаемых благодаря местным связям, т. е. на раннем этапе развития индустриальной экономики корпоративные формы предприятий этим отраслям были несвойственны.

«Представляется маловероятным, чтобы отличия рынков капиталов играли особо значимую роль в производстве до момента наступления второй промышленной революции... в конце XIX века... Принимая во внимание экстенсивное развитие рынков... затруднительно допустить, чтобы небольшое отставание в торговле, вызванное более высокими процентными ставками, могло сыграть роль главного “заграждения” в Китае... И если не принимать во внимание заморскую военизированную торговлю (как правило, там, где оружие не было главным козырем, европейцы проигрывали конкуренцию китайцам и прочим азиатским торговцам или объединялись с ними не реже, чем брали верх в конкурентной борьбе) и колонизацию, то окажется, что особых отличий в формах ведения бизнеса в сфере торговли между евразийскими экономическими центрами нет... до середины XIX века» (с. 314).

Автор признает важность эксплуатации колоний, работорговли, пиратства и схожих видов деятельности для накопления капиталов и финансирования промышленной революции, но подчеркивает, что по большей части колонизация осуществлялась на частные средства лиц, пытавшихся извлечь из нее прибыль, и Европе вряд ли бы удалось добиться роста своих колоний в Новом Свете, если бы колонисты не смогли производить там товары, пользовавшиеся спросом в Европе (в первые двести лет в основном предметы роскоши — бразильский кофе, североамериканская пушнина, табак и сахар) и Азии, особенно в Китае (серебро). «Самых больших вложений капиталов в этот период требовали исследования заморских территорий, их заселение и торговля с ними, а не протопромышленность или первые фабрики и заводы... Значимость

новых финансовых институтов и более широких проявлений "милитаристской фискальной политики" оказалась наибольшей именно в этих видах деятельности, а не в производстве или торговле внутри европейских экономических центров» (с. 331-332). Участники торговых и политических отношений для повышения спроса на экзотические товары из колоний культивировали в населении пристрастие к табаку, сахару и т.п., продвигая моду на новые товары, они способствовали развитию импортозамещающих отраслей — от производства китайского фарфора в Делфте, Веджвуде и Мейсене до подражания индийским тканям в XVIII веке. Впрочем, «если бы Европе не повезло и не сложились бы воедино различные факторы — эпидемии, военные успехи европейцев, "милитаристская фискальная политика", спрос на предметы роскоши, интерес к серебру со стороны Китая и т.п., ей бы тоже не удалось воспользоваться возможностями Нового Света в той мере, в какой это было сделано» (с. 354).

Тем не менее, невзирая на первые колониальные успехи, в середине XVIII века Западная Европа не отличалась ни уникальной производительностью, ни экономической эффективностью. Вместе с Китаем она двигалась в направлении протопромышленного тупика — когда даже при постоянно увеличивающихся объемах трудозатрат, распространении новых способов производства и коммерциализации и более эффективном разделении труда производству едва удавалось опережать рост населения. «Вместо того чтобы рассматривать прочие передовые экономики XVI–XVIII веков в качестве "потерянной Европы", было бы целесообразнее увидеть в Западной Европе... рядовую экономику (просто иначе устроенную, чем китайская). Ей посчастливилось лишь тогда, когда непрогнозируемые и значительные по своим размахам скачки... в конце XVIII и в XIX веке позволили ей покончить с фундаментальными проблемами использования энергии и ресурсов, которые в предыдущие периоды заслоняли горизонты всех и каждого» (прежде всего Китая) (с. 356).

Хотя Западная Европа была менее густонаселенным регионом по сравнению с Китаем, она столкнулась со столь же серьезными экологическими проблемами: к концу XVIII века дальнейшее экстенсивное развитие оказалось невозможно без институциональных преобразований, новых землесберегающих технологий и/или ввоза продукции землеемкого производства. Европа обладала бо́льшими периферийными территориями, где в принципе можно было добиться роста производства за счет применения передовых методов обработки земли, однако оба региона характеризовались наличием экономических центров (дельты рек Янцзы и Чжуцзян, Британия и Нидерланды), где поддерживать прирост населения или потребления можно было только с помощью технологических изменений и/или увеличения торгового оборота с периферией. Все экономические центры пытались ослабить остроту своих проблем торговлей с менее населенными регионами Старого Света, но она была лишь

частью решения в силу не только очевидных ограничений (например, высоких транспортных издержек), но и социально-экономических проблем товарообмена между более и менее развитыми регионами. Потенциалом для индустриальных преобразований обладали лишь территории, которые имели относительно высокую плотность населения, продуктивное сельское хозяйство, масштабную высокоразвитую торговлю и крупные ремесленные отрасли, но и в этом отношении Китай стоит в одном ряду с Западной Европой.

В экономических центрах Китая и Западной Европы «высокий уровень плотности населения и... накопление капиталов позволили элитам... обходиться без подневольного труда и при этом использовать наемный труд по таким расценкам, которые все равно позволяли получать прибыль... Это были территории с минимальными площадями пустующих земель, минимальным использованием труда не по назначению и минимальным проявлением прочих форм неиспользуемых производственных мощностей... у них была огромнейшая потребность в промышленном прорыве, максимизировавшая стимулы к преобразованию производственных процессов... Эти регионы двигались... к одному и тому же вероятному тупику... биологического характера. В Китае... повышение объемов производства продуктов питания и текстильных культур шло вровень с приростом населения, однако ценой этому были вырубка больших площадей лесов, эрозия склонов холмов и сопутствующее повышение опасности затопления территорий. Без новых и значимых земледельческих инструментов... даже такая затратная с экологической точки зрения и трудоемкая экспансия была близка к исчерпанию своих возможностей. То же самое можно сказать о ситуации в Западной Европе, которой, правда, были характерны два важных отличия: ...различные способы интенсификации сельского хозяйства использовались в недостаточной мере даже в 1800 году, как следствие, здесь оставалось больше неиспользуемых ресурсов, чем в Восточной Азии; ...неиспользуемые мощности не могли быть оперативно и легко мобилизованы для удовлетворения потребностей растущего населения и прочих задач, с которыми пришлось иметь дело в XIX веке» (с. 365-366).

В XIX веке в Англии использовалось сочетание более качественной вспашки и унавоживания (с применением усовершенствованного плуга, который давно использовался в Китае), восстановления лесов (благодаря новым знаниям в вопросах экологии, доступности недревесных энергоресурсов и поставкам леса из Северной Америки) и упразднения оставшихся полей общего пользования; подспорьем стал уход второстепенных землевладельцев в города и отъезд в Америку; ситуацию с продовольствием серьезно улучшило увеличение поставок продукции сельского хозяйства из заморских территорий и рост предложения промышленных удобрений. «Без этих многочисленных... мер, среди которых ресурсы Нового Света играли одну из главных ролей, XIX столетие могло

бы явиться для Европы временем стремительного усугубления экологических проблем, что... имело место в Китае» (с. 381).

Несмотря на недостаток данных по сельскому Китаю, автор убежден, что ему грозило истощение региональных ресурсов, и дело не в высокой плотности населения. Хотя у Китая было меньше возможностей по расширению строительной и энергоемких отраслей, его способность поддерживать существующий уровень жизни была не меньше, чем у Европы с ее ресурсами Нового Света, благодаря, в частности, интенсивному ирригационному выращиванию риса. В отличие от Европы, восполнявшей дефицит в ткацком волокне, древесине, продуктах питания и т. д. за счет заморской торговли, Китай удовлетворял эти потребности за счет собственных ресурсов благодаря трудоемким способам производства и внутренней торговле. Однако в долгосрочном плане эта стратегия привела к экологическим проблемам: небольшой запас экологической прочности периферийных районов страны зависел от помощи государства, а в середине XIX века она резко сократилась.

«Ни одного из тех изменений, сочетание которых позволило Западной Европе остановить усугубление своих экологических проблем, не было в Китае» (с. 404): ни свободных ресурсов благодаря малоэффективным методам использования земель (общественные выгоны, трехполье и пастбища для выпаса лошадей дворян), ни тяжелого железного плуга (глубокая пропашка замедляет эрозию почвы), ни технологий разведения лесов, ни промышленных городов или Америки как миграционной альтернативы для оказавшихся не у дел земледельцев, ни бума использования угля, заменившего древесное топливо, ни больших объемов землеемких товаров из Нового Света. Сочетание этих факторов стабилизировало ситуацию в Европе, а их отсутствие в Китае ситуацию резко ухудшило, поскольку обе оконечности Евразии испытывали одинаковые проблемы. Экономические центры Европы и Китая прибегли к схожей стратегии их решения — получение землеемких ресурсов из менее густонаселенных регионов в ходе международной торговли, и китайские центры использовали торговлю даже более эффективно. За землеемкие товары нужно было платить, и экономические центры пытались обменять их на промышленные товары, прежде всего ткани, однако экспортеры сырья часто начинали импортозамещение (производя товары, которые раньше ввозили), кроме того, два столетия назад технологические отличия между центрами и периферией были не столь велики и не поддерживались международными патентами. Периферии сдерживали экономический рост и промышленную специализацию более развитых регионов, в результате китайская протопромышленность пришла к менее выраженному региональному разделению труда и более выраженному разделению труда в домохозяйствах, чем протопромышленность Англии.

К 1800 году Западная Европа и Китай столкнулись со схожими экологическими проблемами, которые могли привести к полной

остановке экономического роста. Частичным их решением в Европе стало широкое применение угля, но этого было недостаточно, учитывая разнообразие необходимой землеемкой продукции. «Если Западная Европа хотела добиться более существенного... прироста в промышленном производстве и потреблении сырьевых материалов... ей требовался новый тип торгового партнера. И им... стал Новый Свет» (с. 443). Западная Европа вырвалась из протопромышленного тупика в значительной степени благодаря тому, что эксплуатация Нового Света сделала ненужной мобилизацию населения для более интенсивного и экологически рационального использования европейских земельных ресурсов. Новый Свет обеспечил Европу как реальными ресурсами (продукция сельскохозяйственного экспорта), так и драгоценными металлами.

«Истребление населения вкупе с последующим его восстановлением за счет рабов превратили Карибский регион в аномально огромный рынок для импортируемых товаров и в источник экспорта землеемкой продукции. Карибский бассейн стал первым периферийным регионом, которому были свойственны характеристики... стран третьего мира: это был крупный импортер как средств производства (рабов), так и промышленных товаров повседневного пользования, создававший товары экспортного назначения, цены на которые с повышением эффективности, капиталоемкости и масштабов их производства падали. Цены же на бо́льшую часть энергоресурсов, производимых в Европе, включая продукты питания, на протяжении XVIII века относительно заработной платы и стоимости прочих товаров, наоборот, повышались. ...Плантационные регионы Нового Света представляли собой новый тип периферии, ввозящей достаточные объемы товаров, чтобы ее товарообмен с экономическими центрами отличался достаточным равновесием. Более того, ее импорт и экспорт оказывали друг на друга стимулирующий эффект: экспорт все бо́льших объемов сахара вел к ввозу все большего количества рабов, еды и тканей, а зачастую и к росту задолженности плантаторов, что требовало продажи в будущем еще бо́льших объемов сахара» (с. 449-450).

Таким образом, «эксплуатация Нового Света и вывезенных для работы на его плантациях африканцев... сделала для обособления Западной Европы от остальных экономических центров Старого Света больше, чем любое из преимуществ... обеспечиваемых функционированием рынков, существующими системами семьи и прочими европейскими институтами» (с. 474). Для обособления Западной Европы от азиатских экономических центров (прежде всего Китая) ключевую роль сыграли три сопоставимых по значимости фактора: «преимущество отставания» (Европа была обеспечена свободными ресурсами, но это преимущество нивелировалось экологическими проблемами); удачное расположение угольных залежей и развитие угольного/парового комплекса; волна промышленных нововведений, связанная с огромными запасами угля и ослаблением не-

хватки прочих ресурсов вследствие эксплуатации богатств Нового Света. «Европа оказалась обеспечена сельхозтоварами за счет продукции, которую для нее выращивали другие регионы мира... и использовала собственные трудовые ресурсы для увеличения количества солдат, матросов, торговцев и производителей промышленной продукции... формирование промышленной отрасли стало результатом "взросления" протопромышленности, не потребовав проведения параллельных социальных и технологических преобразований, которые позволили бы сельскому хозяйству поддерживать или увеличивать объемы производства» (с. 480).

Китаю же пришлось брать на вооружение все трудоемкие подходы к решению экологических проблем, которые впоследствии в той или иной степени затрудняли проведение капитало- и энергоемкой индустриализации. Первоначально Китай, как и Европа, добивался роста протопромышленных отраслей за счет расширения торговли для снижения давления на земельные ресурсы. Однако без доступных Европе решений этот процесс потребовал интенсификации и расширения сельского хозяйства, а потому к концу XVIII века замедлился под влиянием нарастающих экологических трудностей. Те районы Китая, где ранее отмечалось масштабное развитие протопромышленности, пережили деиндустриализацию — с 1750 по 1850 год доля аграрных территорий увеличилась, к середине XIX века Китай был аграрной экономикой не в меньшей степени, чем в середине XVIII века, в 1950 году — лишь в незначительно меньшей степени. «На протяжении примерно двух столетий после 1750 года Китай переживал ситуацию, когда индустриализация по относительно легкому пути "взросления" оказалась невозможной, и ему пришлось столкнуться со всеми проблемами, связанными с необходимостью привлечения большинства промышленных рабочих напрямую из сельского хозяйства» (с. 482-483).

Видимо, понимая, сколь объемен и сложен его труд для реконструкции великого расхождения Европы и Китая, краткое изложение своей аргументации и ее оснований автор предлагает читателю в конце и в начале каждой из трех частей книги. Однако она слишком интересна и хорошо написана, чтобы пользоваться подобной заботой автора, а данных и тематических линий в ней представлено куда больше, чем способна отразить любая рецензия. Кроме того, по всему тексту разбросаны призывы автора к читателю воспринимать его и другие концепции не как само собой разумеющиеся, а как «набор провокационных гипотез, требующих подтверждения путем дальнейших исследований» (с. 33). Книга вполне может претендовать на статус энциклопедии экономической жизни двух регионов Евразии, и хотя автор постоянно подчеркивает, что лежащий в ее основе огромный массив данных часто ненадежен и неполон, даже эти ограниченные сведения опровергают любые европоцентристские версии истории, например, «свидетельства о распределении доходов в рамках отдельных обществ...

слишком фрагментарны, но при этом... противоречат утверждению... что в Европе доход и соответственно фактический спрос на повседневные предметы роскоши распределялся более равномерно, нежели в крупных экономиках Азии» (с. 242).

Излишне критически (или социологически) настроенный читатель может упрекнуть автора в том, что его повествование лишено важного компонента — учета общественных настроений: описывая промышленную революцию в Британии, историки, как правило, сосредоточиваются на том, что произошло с уровнем благосостояния населения в период с 1750-е по 1850-е годы, и справедливо опираются на такие переменные, как заработная плата, смертность, заболеваемость и занятость, «но если нас и в самом деле интересует проблема благосостояния, нам понадобится также изучить уровень желаний и устремлений»[18]. Впрочем, даже самый критически настроенный читатель не сможет не заметить другой важной особенности книги — концептуально-методологическое кредо ее автора явно носит гуманистический характер: он отрицает возможность универсальных моделей экономического развития, которые способны дать всеобъемлющую картину и/или подходят для любых социальных систем, поэтому «работы ученых следовало бы рассматривать прежде всего как способ стимулирования диалога и дальнейших исследований» (с. 9). Автор категорически не приемлет «изображений черно-белыми красками целых обществ, основанных на том или ином способе хозяйствования» (с. 13), и убежден, что «ни одно из сравниваемых обществ не может рассматриваться в качестве нормы, по отношению к которой другое сравниваемое общество представляется отклонением» (с. 25) — удивительно очевидная позиция, к сожалению, все реже определяющая характер социально-экономических дискуссий нашего времени.

Comparative analysis as a way to reconstruct the world economic history, or why China did not become capitalist at the same time as Europe

Pomeranz K. Velikoye raskhozhdeniye: Kitay, Evropa i sozdanie sovremennoy mirovoy ekonomiki [The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World Economy]. Per. s angl. A.M. Matveenko; pod nauch. red. A.Yu. Volodina. Moscow: Izdatelskiy dom “Delo”, 2017. 592 p.

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Sociology Chair, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

18. *Эльстер Ю.* (2018). Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. А. Морозов. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 227.